

Они молчали так долго, но в конце концов молодой человек не смог сравняться в выдержке с прошедшим сотни битв злодеем из секты демонов и заговорил первым:

— Что ты здесь делаешь?

В этих словах уже проскользнула некоторая спешка, а в холодном голосе не получалось скрыть удивление и подозрения.

Фэн Ао медленно открыл глаза и посмотрел на человека, стоявшего у двери навтыжку. Одно лишь его положение выдавало острый меч, обнаженный из ножен — да что там, непревзойденный клинок, выкованный из тысячелетнего льда. От него исходил такой холод, что казалось, будто он материализовался и без всякой жалости обрушивается на него.

Фэн Ао с интересом приоткрыл рот:

— Отец, должно быть, учил тебя правилам приличия при общении с людьми, не так ли, Чжэн Юэтин?

Глядя на то, как Чжэн Юэтин плотно сжал губы, Фэн Ао какое-то время понаблюдав за тем, с каким подозрительным и холодным выражением лица этот любимый внук старейшины семьи Чжэн смотрит на своего кровного отца, и лишь после этого поднялся из целебной ванны.

Его совершенно не смущала собственная нагота. Фэн Ао привык, что за ним ухаживают, и ему доводилось бывать в ситуациях, когда во время одного омовения прислуживали больше десяти человек, так с чего бы ему испытывать хоть малейшую застенчивость?

Хотя Чжэн Юэтин ничем не выдал своих чувств, он был слегка удивлен. Дело было вовсе не в том, что отец позволил себе столь вольную выходку на его глазах — просто воспоминания об отце у него были смутными, и многое он знал лишь со слов других. То, что Чжэн Цзиньфэн обладал внушительной и благородной внешностью, являлось общепризнанным фактом, так что удивляться было нечему. Однако Фэн Ао полагал, что у привыкшего просиживать штаны в офисе мужчины средних лет все тело должно быть дряблым, но никак не ожидал увидеть столь неплохую фигуру с явными следами тренировок.

Таких результатов Фэн Ао добился за последние два с лишним месяца упорных тайных занятий боевыми искусствами в сочетании с целительными ваннами из отваров. Будь это прежний владелец тела, всё обстояло бы именно так, как и предполагал Чжэн Юэтин.

Фэн Ао взял белое банное полотенце, быстро обтерся, небрежно обмотал его вокруг талии и, обогнув Чжэн Юэтина, прямо вышел из вайной. Открыв холодильник, он достал стакан воды и, закрывая дверцу, посмотрел на Чжэн Юэтина, который все еще стоял у входа.

Чжэн Юэтин не был похож на прежнего владельца этого тела: его черты лица больше напоминали материнские. Однако из-за ледяного выражения лица, смуглой кожи и суровых, поразительно мужественных бровей было трудно разглядеть утонченность его черт, если не приглядываться повнимательнее.

Отводя крышку минеральной воды, он присел и произвел:

— Что, из-за того, что мы с твоей матерью развелись, ты больше не признаешь во мне отца? Фэн

Ао, разумеется, не стал бы без всякой причины заводить разговор о биологической матери Чжэн Юйцзинь и своей бывшей жене. Хотя ходили слухи, что Чжэн Юйцзинь не слишком близок с отцом, в любом случае, увидев его нынешний облик, трудно было не заметить странностей. Впрочем, какими бы ни были познания юноши об отце, лучшего оправдания для столь резкой перемены характера, чем пережитый развод, придумать было нельзя.

Хмурый взгляд Чжэн Юйцзинь стал еще холоднее. Похоже, брак его родителей вызывал у него глубокое отвращение, и распространяться на эту тему он не желал. Смерив Фэн Ао взглядом с ног до головы, Чжэн Юйцзинь произнес:

— Ты так и не ответил на мой вопрос.

В этом тоне не было и намека на почтительное отношение к отцу, однако Фэн Ао ничуть не смутился:

— Об этом тебе лучше спросить своего дядюшку. А вот теперь ты должен объяснить: если моя память мне не изменяет, сейчас ты должен быть в Америке.

Старший внук семьи Чжэн, который по идее должен был находиться за океаном, объявился на самом юге страны, да еще и сменил фамилию на Жэнь, связавшись с семейством Чжоу из Фэнши. Простого совпадения здесь быть не могло.

Цель, с которой Чжэн Юйцзинь явился сюда, заключалась очевидно в том, чтобы заткнуть Фэн Ао рот, и развеивать чужие сомнения он вовсе не собирался.

— Тебе не тебе знать, — прямо заявил он. — Тебе нужно уяснить лишь одно: сегодня ты меня не видел, и в будущем тебе никогда не доведется встретить здесь Чжэн Юйцзинь.

Фэн Ао пропустил его слова мимо ушей и залпом осушил больше половины бутылки. Жажда после лекарственной ванны была привычным делом. Осушив бутылку до конца, он бросил взгляд на Чжэн Юйцзинь и продолжил пить — в уголках его глаз таилась едва заметная улыбка, от которой веяло необъяснимой опасностью.

Немного помолчав, он неторопливо произнес:

— К тому же, я просто исполняю отцовский долг.

Его голос еще не затих, как в тишине раздался насмешливый фыркающий смешок Чжэн Юйцзинь. Все-таки юноша был еще зелен. Человек, которому положено бы сохранять абсолютную холодность, позволил Фэн Ао всего несколькими словами задеть свою главную слабость — родителей. Разумеется, дело было вовсе не в сильной привязанности: к родителям Чжэн Юйцзинь испытывал лишь жгучую ненависть, да такую, что и в двадцать три года при упоминании подобного не мог совладать с гневом.

— Я не намерен обсуждать с тобой отцовские или сыновние обязанности. Лучше бы тебе не

проронить об этом ни единого слова кому бы то ни было, иначе...

— Иначе что? — протянул Фэн Ао.

Ледяное касание клинка заставило его легкомысленный тон внезапно оборваться. Опустив глаза, он глянул на приставленный к горлу кинжал, но не выказал ни испуга, ни попытки увернуться. В этот момент он лишь прикидывал время, прошедшее с момента шороха, и мысленно оценивал скорость, с которой Чжэн Юйцзин только что нанес удар, невольно мысленно воздав должное мастерству юноши. Для человека, который не занимался изучением ортодоксальных боевых искусств, но при этом способен развить такую скорость — один этот приём в исполнении Чжэн Юйтина намного превосходил пределы возможностей обычного человека!

Фэн Ао как раз размышлял о природном таланте Чжэн Юйтина, когда у него за спиной раздался низкий, леденящий голос:

— Не давай мне повода снова обнажить оружие.

Кинжал был убран. В тот момент, когда Фэн Ао обернулся, он успел лишь заметить ускользающую в темноту фигуру.

Спустя мгновение выражение лица Фэн Ао постепенно сгладилось.

Он изначально думал, что, покинув столицу и приехав в это место, свободное от влияния семьи Чжэн, он сможет всласть заняться своими делами, но никак не ожидал встретить здесь Чжэн Юйтина.

Судя по скрытному поведению Чжэн Юйтина, Фэн Ао, разумеется, легко догадался, что тот выполняет секретное задание. Что это за операция и грозит ли Чжэн Юйтину опасность — Фэн Ао нисколько не интересовало. Главное, чтобы соблюдалось негласное соглашение о невмешательстве друг в друга, и тогда его игра в поддавки с этим мальчишкой не будет напрасной.

Подумав об этом, Фэн Ао скомкал в руке пластиковую бутылку из-под минеральной воды, поднялся и небрежно бросил её назад. Сейчас первоочередной задачей было как следует заняться культивацией этого никчемного тела, иначе и впрямь любой сопляк осмелится приставить нож к его горлу!

С глухим стуком бутылка точно угодила в мусорную ведро, звеняще столкнувшись с винными бутылками.

Прошел месяц, полный спокойствия и безмятежности. Тот самый молодой человек, который постоянно возглавлял списки главных тем высшего света Фэнши — Жэнь Юй, — после той

ночи больше не появлялся в поле зрения Фэн Ао.

Фэн Ао в роли вице-мэра вёл праздную жизнь: если не считать поднятия руки на совещаниях по принятию решений в Фэнши, в кругах влиятельной элиты он обычно казался совершенно незаметной, призрачной фигурой.

Именно такое поведение не позволяло местным чиновникам Фэнши раскусить его тактику. Казалось, любые свои решения он принимал исключительно по настроению, и даже когда городская администрация намеренно лишила его реальной власти, оттеснив на второй план, он не выразил ни малейшего недовольства. Сегодня они думали, что наконец-то перетянули его на свою сторону, а завтра он уже поддерживал их соперника — назвать его флюгером было бы еще мягко!

Верхушка Фэнши по-прежнему относилась к Фэн Ао с настороженностью. Через знакомых они наводили справки о происхождении этого вице-мэра, переведённого из столицы, но неизменно получали лишь расплывчатые ответы — то ли у этого человека действительно не было никаких ярких пятен в биографии, то ли кто-то намеренно блокировал всю информацию. Последнее было вполне возможно, и именно поэтому пока они окончательно не прибрали вице-мэра к рукам, они не предпринимали никаких предупредительных или карательных мер в ответ на его шатания из стороны в сторону.

Что думают окружающие, Фэн Ао совершенно не волновало. Он наконец-то уяснил: его приезд в Фэнши на роль этого чёртова вице-мэра нужен был в лучшем случае для того, чтобы обеспечить нужный перевес голосов. А если обе враждующие группировки и тратили силы на его привлечение, то исключительно ради этого самого голоса.

Стоило учитывать, что сейчас силы городской партийной ячейки и муниципалитета находились в примерном равновесии. За круглым столом заседали три фракции: помимо пары неопределившихся центристов, остальные две стороны уже почти исчерпали свой предел. Именно поэтому голос Фэн Ао приобретал столь драматическое, решающее значение.

Побывав на трех совещаниях по голосованию и пообедав с обеими группировками шесть раз, Фэн Ао полностью разобрался в здешней кухне. Всё сводилось к тому, чтобы найти подходящую обстановку — обычно это происходило за обеденным столом, — а затем попытаться заманить выгодой. По сравнению с эпохой, в которой жил Фэн Ао, подобные методы не отличались особой новизной, просто из-за прикрытия в виде так называемого правового государства открытое давление и устранение неугодных были не столь удобны, как в его родном мире.

Лицемерно улыбаться и водить хороводы... С тех пор как Фэн Ао предал свою секту, отрёкся от так называемых праведников, принял прозвище злодея и собственными руками основал Демонический Дворец, ещё никто не смел заставлять его, Фэн Ао, крутиться подобным образом. Кто бы мог подумать, что, преодолев тысячелетия, ему придется столкнуться с таким количеством вынужденных компромиссов.

Стойкий и несгибаемый характер Фэн Ао, разумеется, не позволил бы ему пасть духом из-за подобной чепухи. Его жизнь прошла через череду суровых испытаний, прежде чем он стал тем Фэн Ао, каков он есть сегодня. И хотя его прежние заслуги и империя мгновенно обратились в прах, это не значит, что его разум растворился вместе с ними.

Сейчас он просто затаился, сдерживая даже дыхание. Но стоит лишь разбудить его — и он заставит всех узнать, кто здесь настоящий охотник!

Прошёл месяц. Помощник Ли Хуэй, который поначалу жаловался на нечестную игру чиновников Фэнши, фактически пытавшихся перекрыть вице-мэру любые возможности проявить себя, теперь полностью осознал истинную суть мэра Чжэня и начал отчаянно переживать за собственное будущее.

С чего это он раньше решил, что его новый хозяин — это скрывающийся на мелководье дракон? Он явно смотрел под неправильным углом, раз на полном серьёзе вообразил, будто у старшего сына из столичного семейства Чжэнь ещё есть шанс взмыть в небеса, и поставил на это конную карту всей своей дальнейшей карьеры!

Самосожаления Ли Хуэя не могли найти никакого утешения. И пока он дрожащим пальцем перебирал былые связи, пытаясь понять, смогут ли они вытащить его из этой пучины, перед ним и его новым шефом забрезжила новая возможность!

Когда Фэн Ао принял звонок от Ли Хуэя, он как раз отрабатывал удары в спальне. Спальня площадью всего в десять квадратных метров разительно отличалась от его прежней тренировочной комнаты. Впрочем, окружающая обстановка — это мощнейший фактор притяжения, и человеку всегда приходится подстраиваться под неё, извлекая пользу из обстоятельств и выжидая удобного момента. Фэн Ао ничуть не жаловался на такие условия. К тому же боевые искусства, которые он теперь культивировал, в этом мире являлись явлением, стоящим вне местных законов мироздания, и он вовсе не был глупцом, чтобы выставлять свою инаковость напоказ.

Едва вызов был принят, в трубке раздался взрывной голос Ли Хуэя:

— Мэр Чжэн, вы получили приглашение от семьи Чжоу?!

Этот помощник всегда отличался сравнительной рассудительностью, но сегодня его голос взлетел на несколько тонов выше от возбуждения. Видимо, в последнее время его и впрямь довели до предела, раз при виде забрезчивого просвета он ухватился за него, как за соломинку.

Приглашения от семьи Чжоу Фэн Ао, разумеется, не получал. Ничего об этом он тоже не слышал, да даже если бы и слышал, ввязываться в подобные дела не собирался. Мероприятие, устроенное семейством Чжоу, наверняка свело бы его с Чжэн Юэтином, а Фэн Ао вовсе не желал иметь с ним лишних контактов.

Его помощник думал совсем иначе:

— Мэр! Да вы что, мой дорогой молодой господин, подумайте хотя бы о собственной карьере! Даже мне всё очевидно: одно слово старейшины Чжоу весит больше, чем мэр Хань и секретарь Фан вместе взяты! Если вы наладите отношения с семьей Чжоу, посмеет ли вся эта фракция в Фэнши и дальше ставить вас ни во что? Или вы хотите так и продолжать плыть по течению, живя ещё хуже, чем когда мы были в столице?

Апатичное отношение Фэн Ао поистине вывело из себя этого карабкающегося наверх помощника, и он потерял всякие границы в разговоре. Сказав это, Ли Хуэй тут же немного пожалел об услышанном: в конце концов, какой бы потерпевший поражение мужчина ни был, ему вовсе не хочется, чтобы посторонние тыкали его носом в его неудачи.

К счастью, Фэн Ао не придавал этому значения. Видя, как сильно тот переживает, он даже ответил с лёгкой ноткой насмешки в голосе:

— Благодарю за заботу, но у кого в семье Чжоу есть связи — у меня или у вас? Раз вас никто не приглашал, то и навязываться, чтобы ловить на себе чужие взгляды, нет никакой нужды.

— Мэр! Так нельзя!

Фэн Ао не разделял его пыла, отделался парочкой дежурных фраз и повесил трубку. Однако он никак не ожидал, что этот его простоватый помощник и впрямь умудрится добыть пригласительный билет от семьи Чжоу!

Фэн Ао повертел в руках карточку с тисненой золотой фольгой, а затем бросил взгляд на Ли Хуэя, который смотрел на него широко раскрытыми глазами, полными надежды. Этот вид человека, смертельно боящегося получить отказ, неожиданно поднял Фэн Ао настроение.

Он до боли напоминал того самого брата из демонического дворца, который приготовил новое блюдо и просил его отведать, из-за чего Фэн Ао какое-то время просто не мог найти слов для отказа.

Эта акция организовывалась силами третьего молодого мастера семьи Чжоу и включала в себя выставку фарфора и благотворительный аукцион.

Разве этот шаг третьего господина Чжоу не был рассчитан на то, чтобы продемонстрировать себя старому главе? Все в Фэнши знали о репутации семьи Чжоу, славившейся своими благими делами, а благотворительная деятельность снискала им восхищение как в пределах провинции, так и по всей стране. Старейшина же питал слабость к вещам слёгким налётом старины, и фарфор, естественно, входил в их число.

Третий господин Чжоу приложил немало усилий, но ведь с точно такими же помыслами выступал далеко не он один: те, кто желал умаслить старейшину Чжоу или намеревался примкнуть к самому третьему господину, не могли упустить столь грандиозное событие.

Услышав, что подчиненные новоиспеченного вице-мэра всевозможными путями пытаются раздобыть для него приглашение, третий господин Чжоу, попивая чай вместе с секретарем Фаном, самодовольно и с некоторым презрением произнес:

— Пф, ума хватило.

Взглянув на невозмутимого секретаря Фаня, он тоже сделал глоток чая и добавил:

— Какое бы у него ни было происхождение, мне уже приятно хотя бы тем, что я утер нос Хань Дуну.

Тут же он с барского плеча велел подчиненному выделить мэру Чжэну пригласительный, дабы никто не посмел сказать, будто он пренебрегает издавна прибывшим гостем.

Очевидно, они с мэром Хань Дуном были заклятыми врагами. Секретарь Фан, разумеется, прекрасно это понимал и вовсе не удивился его решению, однако всё же счёл нужным сделать оговорку:

— Нельзя сказать, что этот Чжэн Цзиньфэн заслуживает полного доверия. По крайней мере, я до сих пор не могу раскусить, откуда он взялся.

— Да откуда он вообще может взяться? Будь у него реальные способности, разве стал бы он подставлять свою шею вместо козла отпущения? Старина Фан, ты вечно слишком осторожен. Ну и что с того, что ему нельзя доверять? Разве мы собираемся поручать ему какие-то серьезные дела? Мы просто оказываем ему любезность, чтобы он наконец уразумел, кто здесь, в Фэнши, настоящий хозяин!

Услышав это, секретарь Фан хоть и затаил кое-какие сомнения, но спорить больше не стал. Сменив тему, он произнес:

— Не стану скрывать от Третьего брата, я пришел сегодня посоветоваться с тобой по одному вопросу.

Фэн Ао хмыкнул:

— Наверное, из-за этого сопляка Жэнь Юя?

В голосе третьего господина звучало недовольство, но направлено оно было вовсе не на секретаря Фаня: то, с каким почтением старейшина относился к Жэнь Юю, уже само по себе не давало ему покоя!

Не дожидаясь, пока секретарь Фан подберет слова для вопроса, третий господин Чжоу продолжил:

— Понятия не имею, из какого старого круга знакомств этот старик его откопал. Месяц назад тот помер, а этот бесстыдник заявился к нам и пристроил своего внука под крыло нашей семьи Чжоу. И надо же было старику сдуру разрешить ему поселиться в нашем доме! А этот сорванец еще и проявил изворотливость: вернулся из-за границы, а всяким там классическим канонам

обучен лучше, чем те из нас, кого с детства лупцевали линейкой! Сам ведь знаешь нашего старика, он как раз по этой части! Жэнь Юй теперь ходит довольный, а старейшина из-за него то и дело шлет упреки в адрес нас, его законных сыновей!

Заметив его нескрываемое отвращение, секретарь Фан задумчиво произнес:

— А каково мнение Сяонин?

Как мог третий господин Чжоу не понимать: во-первых, тот беспокоился об отношении старейшины Чжоу, а во-вторых — о том, не отразится ли это на браке его сына и Чжоу Сяонин. Будучи давними и надежными партнерами, третий господин не возражал против подобных расспросов и ответил:

— Не переживай, что бы ни думала эта девчонка, ключевое значение имеет позиция старика.

— И всё же старейшина... — сердце секретаря Фаня дрогнуло. По его мнению, старейшина Чжоу ценил этого молодого человека по имени Жэнь Юй куда больше, чем собственного сына. Было более чем вероятно, что он выдаст за него свою единственную незамужнюю внучку!

Разгадав его опасения, третий господин презрительно усмехнулся:

— Ты тоже не переоценивай этого паренька. Как бы он ни прыгал выше головы, он всё равно остаток чужак! По крайней мере, я вижу, что старейшина вовсе не поощряет его сближение с Сяонин. Насчет этого можешь быть спокоен.

Секретарь Фан наконец с облегчением выдохнул и снова завел разговор о предстоящей выставке фарфора и аукционе. Дождавшись, пока третий господин вдоволь похвастается и насытится этим разговором, они разошлись.

Вечером в день мероприятия перед клубом Фэнхуан выстроилось множество автомобилей.

Уровень клуба Фэнхуан давно превосходил стандарты, подобающие городу второго эшелона. Одни лишь размеры занимаемой им территории в эпоху бешеного роста цен на землю красноречиво говорили о его высоком классе. Людей, способных сюда попасть, было немного, но сегодня выдался на редкость оживленный вечер.

Третий господин семьи Чжоу выкупил целиком целый этаж клуба под прием гостей и аукцион. Все всласть наелись, напились, наговорились, после чего наконец переместились в просторный аукционный зал.

Не обошлось и без небольшого курьеза: Чжоу Сяонин категорически отказалась сидеть рядом с секретарем Фанем и Фан Чжианем, устроив скандал и требуя пересесть на задний ряд к Жэнь Юю. Третий дядя (третий господин Чжоу) прикрикнул на нее, но она лишь надулась от обиды, а на утешавшего ее Фан Чжианя смотрела с откровенным отвращением. За весь вечер она не повернула головы в сторону Жэнь Юя даже для того, чтобы взглянуть на него, не говоря уже о выставленных на витрине фарфоровых изделиях.

Место Фэн Ао располагалось не слишком близко — на седьмом ряду, однако это никоим образом не мешало ему любоваться фарфором. Яркий свет падал прямо на центр выставочного помоста, а два огромных экрана по бокам проецировали увеличенное изображение вращающегося под стеклом и красным сукном фарфорового сосуда, позволяя зрителям из любой точки зала рассмотреть его в деталях.

Красноречивый конференсье у трибуны выдал длинную вступительную речь, вознося благотворительные порывы семьи Чжоу и третьего господина до небес и заслужив бурные овации всего зала, после чего наконец перешел к сути:

— Фарфоровые изделия, выставленные на наш сегодняшний аукцион, — поистине редчайшие сокровища. Как вы можете видеть, оценку проводят семеро признанных экспертов высочайшего уровня в нашей индустрии; перед началом торгов они лично представят вам справедливую оценку и описание каждого лота. Итак, прошу взглянуть на первый предмет — белую фарфоровую чашу эпохи Сун, вышедшую из официальных печей Гуань!

Перед тем как отправиться в Фэнши, старик Чжэн выдал ему некоторую сумму денег, но совсем небольшую. В подобных местах, где цены взлетают до небес, ему, разумеется, нечего было и думать об участии в торгах. Он пришел сюда лишь посидеть: будет настроение — поглазеет на представление, не будет — подопрёт рукой лоб и задремлет.

Осмотрев первые несколько фарфоровых изделий, Фэн Ао потерял всякий интерес. Вещи, которыми он пользовался в повседневной жизни, стоило лишь невзначай достать хоть одну, превосходили все эти побрякушки, превозносимые экспертами и участниками торгов до небес. То, что называют редкостью, ценится лишь из-за своей малочисленности, но для человека, повидавшего на своем веку бесчисленные сокровища, подобное зрелище могло вызвать лишь усмешку.

Скрестив ноги, он сидел с абсолютно прямой спиной, создавая видимость сосредоточенного зрителя, и даже вполне естественно кивал официанту, подливавшему горячий чай. При тусклом свете ламп было совершенно незаметно, что он давно уже погрузился в дремоту с закрытыми глазами.

Внезапно раздалась новая волна оглушительных аплодисментов. Куда более бурных, чем прежде, и этот шум заставил Фэн Ао разомкнуть глаза.

Оказалось, что аукцион подходил к концу, и на сцене шла борьба за последний, завершающий лот.

Не прислушиваясь к словам ведущего или экспертов, Фэн Ао едва заметно приподнял брови, стоило ему увидеть выставленную на обозрение сине-белую фарфоровую кадку для золотых рыбок с водными узорами. С виду этот сосуд ничем не отличался от обычных рыбных емкостей ручной работы, но Фэн Ао безошибочно узнал его с первого же взгляда! Это была та самая вещь, которую его правый страж — человек, вечно находившийся в состоянии скрытой войны с премьер-министром, — однажды притащил в качестве добычи после разграбления резиденции самого первого министра. Распродав большую часть награбленных сокровищ, страж оставил

лишь этот единственный предмет и преподнес его ему в подарок!

На первый взгляд сосуд казался самым обычным произведением гончарного искусства, но в нем таился секретный механизм. В те годы Цзы Сюань изрядно покрутил вокруг него носом, напуская таинственности, и лишь убедившись, что Фэн Ао не собирается подыгрывать, с разочарованным видом раскрыл ему секрет. Фэн Ао тогда тоже нашел это забавным, но в конце концов расценил вещицу как обычное украшение, после чего просто посадил внутри карликовый лотос и поставил в своей спальне.

Но почему вещь, принадлежавшая ему, оказалась здесь? Проверив историю этой эпохи, он ясно понял, что в ней нет ни малейшего следа той династии, в которой он жил! И теперь появление этого фарфорового сосуда здесь — означало ли оно, что те прожитые сквозь тысячелетия эпохи вовсе не были иллюзией, отражением луны в воде, а существовали на самом деле?..

Эксперты на сцене наперебой расхваливали мастерство изготовления этого фарфорового изделия, пуская в ход приманки вроде не поддающегося точному определению древнего возраста, и наконец торги начались.

<http://bllate.org/book/22486/2370845>